

Екатерина Шубочкина

Историческая повесть

БЕЛЫЙ СНЕГ

12+

Екатерина Шубочкина

Белый снег

«Автор»

2019

Шубочкина Е.

Белый снег / Е. Шубочкина — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10135-7

Основана на реальных событиях и фактах. Судьбы совершенно разных людей и по возрасту, и по социальному, по служебному положению Промыслом Божиим переплелись в революционном сибирском городе Омске, ставшим в начале двадцатого века так называемой «белой столицей» России со ставкой Верховного Правителя России А.В. Колчака. Никого из них не миновала чаша испытаний и скорбей, но у каждого был свой путь, и они по-разному осмыслили и оценивали свою жизнь. Желание раскрыть в динамике реальных исторических событий свой авторский взгляд на душевное и духовное состояние героев повести и легло в основу этой книги.

ISBN 978-5-532-10135-7

© Шубочкина Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

От автора	6
Январь 1918 г.	7
Февраль 1918 г.	10
Июнь 1918 г.	19
Август 1918 г.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Екатерина Шубочкина Белый снег

Источник фото обложки: личная коллекция Печурина В.Н. Фотография предоставлена омским историком Лосуновым А.М.

Дизайн обложки: Шубочкина Е.С.

От автора

*Эпоха преданного Бога
Под игом дьявольских утех
Свой опыт указывает строго
Во славе искупавших грех.*

«Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого устрашуся?» – слова из двадцать шестого псалма. С такого лейтмотива моей души началась эта книга. Что из этого получилось или не получилось, судить вам, дорогие читатели.

Моя малая родина, ныне обычный сибирский город Омск в начале двадцатого века Промыслом Божиим служил, пусть и недолго, так называемой «белой столицей» нашей страны со ставкой Верховного Правителя России А.В. Колчака. Это был жесткий кровопролитный исторический период жизни нашего государства. Думаю, современному читателю он может быть интересен и полезен для изучения по многим аспектам.

Повесть основана на фактических материалах в отношении хода описываемых событий и реальных исторических персонажей. Все цитируемые документы в книге являются подлинными текстами сохранившихся бумажных архивов. Фотографии, иллюстрирующие книгу, найдены мной в открытых интернет-источниках.

Безмерно благодарю за помощь и предоставленные данные омского историка и краеведа А.М. Лосунова. В работе мне также очень помог труд уже упокоившегося митрополита Омского и Тарского Феодосия, посвященный архиепископу Сильвестру, «В вере ли вы?». Также выражаю огромную признательность за экспертную оценку книги руководителю комиссии по канонизации святых Омской епархии священнику Вячеславу Суховецкому.

Однако особо отмечу, что целью написания данной книги было не столько желание рассказать об исторических фактах революционной России, сколько раскрыть в динамике тех событий душевное и духовное состояние героев повести, чьи судьбы волей Божьей переплелись именно в этот период, именно в городе Омске. Это совершенно разные люди и по возрасту, и по социальному, по служебному положению, но никого из них не миновала чаша испытаний и скорби.

Насколько близки и важны любому человеку темы личного и общественного долга, выбора и принятия решений, взаимоотношений с другими людьми и, конечно же, с Богом – это то, о чем мне хотелось как автору поразмышлять на страницах этой повести. Убереги, Господь, быть мне судьей кому-либо! Только выразить для вас, дорогие читатели, свое видение судеб представленных персонажей в контексте того, какое место в их жизни занимала Церковь Христова, показать их духовные поиски и терзания неминуемого жизненного выбора.

Особый акцент книги сделан на житие и подвиг высоко-чтимого в городе Омске архиепископа Сильвестра Омского (Ольшевского), возглавлявшего в тот сложный период Омскую епархию. Надеюсь, с Божьей помощью мне удалось показать его мужественное устремление остаться верным своим христианским убеждениям и долгу пастыря до конца.

Кроме того, поскольку мне изначально хотелось написать книгу так, чтобы заинтересовать в ее прочтении юношескую аудиторию, одна из основных сюжетных художественных линий повести – это отрезок жизни подростка, которому пришлось рано повзрослеть, потеряв родителей, и нести ответственность не только за себя, но и за младшую сестру.

История неумолима, но назидательна. Убереги нас, Господи, от опасной небрежности к страданиям людей революционного двадцатого века!

Январь 1918 г.

«Хорошо, что метель», – кружили в такт с погодой мысли рабы Божьей Натальи, певчей Омского Успенского кафедрального собора, спешащей на утреннюю службу. «Свежего снегу намело, белым-бело вокруг, освободился наш город от пыли и грязи», – запела детская радость в сердце женщины, но тут же была заглушена голосом взрослой рассудительности: «По сути же, нет – снег только прикрыл их, скрыв непривлекательную серость...»

Еще в притворе, стряхивая с шали снег, Наталья услышала непривычно громкий для церковных свод разговор.

– Какое право имеешь отказывать? Думаешь, управы на тебя нет, поп?! – чуть не срывая голос, фальцетом верещал низенький мужичок в шинели до пола, видимо, что-то требующий от священника. – Фамилия твоя? Под арест пойдешь за самовольничество!

– Покровский я от рождения. Коли есть за что, то арестовывайте, но закон Божий и правила Церкви таковы, что не можем отпеть вашего командира большевистского по причине хулы его большой на Духа Святаго.

– Ерунду мелешь, Покровский! Поди тебе твой начальник церковный приказал, этот, Сильвестр? – в разговор вмешался второй визитер в фуфайке с красной звездой на груди.

– Христос мне начальник, Он и запрещает, – спокойно ответил священник.

– Тыфу ты, вот умеете же крутить и выкручивать, а правды от вас не добьетесь! Только врагов народа, значит, по-вашему, в церкви уважают! – тот, который в шинели, махнул рукой товарищу, показывая всем видом, что разговор окончен и они уходят. – Тебе это с рук не сойдет, поп! – бросили большевики напоследок.

Наталья вспомнила, как сама месяц назад просила своего духовника о подобном: муж ее примкнул давеча к большевикам, вернулся контуженным с фронта да и погиб вскоре от шальной пули, оставив жену с двумя детьми без кормильца. Боялась, что не будут церковные отпевать приверженца новой власти, но батюшка Александр уступил, приняв мольбу верной прихожанки.

– Отче, люди-то опасные, большевики эти, – к священнику подошли обеспокоенные произошедшим прихожане. – Может, не стоило им возражать?

– Закон Христов для всех одинаков, нам ли не знать, что за все в жизни Богу ответим, – священник был спокоен и сдержан. – Тем более что Церковь нынче от государства отделили, никто никому не указ теперь, только вот претензии исполкома почему-то так и сыпятся на нашу голову. Совдепу нынче покои архиерейские подавай, все дела и имущество Духовной консистории, чтобы свои учреждения разместить, да и собор наш хотят под лазарет конфисковать.

– Как же это можно? Что делать, батюшка? – забеспокоился люд.

– Молиться, дорогие мои братья и сестры! В пятницу, второго числа, во всех храмах города будет соборный молебен о вразумлении правительства державы российской – приходите. А четвертого февраля владыка благословил на крестный ход с молитвой о хранении веры православной и защите храмов. Будем на Бога уповать, на его милосердие и помощь нам грешным!

– Значит, вернулся владыка Сильвестр с поездки? – спросила Наталья батюшку.

– Прибыл, в Омске, уже в котле наших событий, – ответил тот.

Вечерами после службы Наталья подрабатывала в швейном цеху, поэтому домой пришла поздно, дети уже улеглись спать. Хозяйка, стараясь не шуметь, стала готовить себе ужин, но все-таки разбудила сына двенадцати лет отроду, который тут же пристроился рядом за столом, потирая глаза.

– Мама, тут к нам друг папкин приходил, пока тебя дома не было, – сонно протянул мальчик.

- Какой друг? И чего хотел? – с настороженностью спросила женщина.
- Спрашивал, где ты работаешь, где мы учимся.
- Ты и сказал?
- Сказал... Он еще передать просил, – сын почувствовал напряжение матери и стал говорить медленнее, а затем и вовсе замолчал, ожидая ее реакции.
- Ну, не тяни, Санька! – Наталья ждала недоброе.
- Что негоже жене большевика по храмам прислуживать, другая работа для тебя есть: говорил, чтобы пришла в исполком, а в церковь не ходила больше.
- Господи! Мужа угробили, теперь и до нас добрались! Господи, защити, не оставь нас, грешных! – Наталья запричитала и взмолилась, чувствуя, как впадает в отчаяние от собственной беспомощности в новом мире советской власти.
- Мам, только не плачь! – сын хотел утешить и поддержать родительницу. – Вдруг он и вправду хорошую работу для тебя нашел – легче будет! А от твоего Бога одни только неприятности! Может, и прав был отец, что нет Его совсем! Одни беды на нашу семью посылает, а за что? – Санька насупился от ощущения жестокой несправедливости жизни.
- Что ты говоришь такое! Замолчи немедленно! Прости, Господи! Да разве одни мы, Санька, страдаем?! Посмотри, что творится-то вокруг! Кругом смерть, разруха, нищета, война эта проклятая! А церковь как нас продуктами выручает! Да и если я уйду, то певчих совсем не будет хватать: одни болеют, другие разбежались со страху, а служить надо, иначе погибнет наш город!
- Служишь Богу, служишь, а Он тебе – несчастья: сначала брат Колька помер от хвори, потом папку убили, а другие вообще не верят в Бога и ничего – лучше нас живут!
- Ты на других не смотри, Санька, за себя отвечай! А с батьки пример не бери: натворил дел недобрых и сгинул, а нам жить и хлебать еще за себя и за него! Сколько молиться за душу его надо, чтобы не страдал там сильно!
- Да ему, может, лучше нашего сейчас, а здесь-то как жить, если твой Бог не помогает?
- Господи, прости неразумного! Да как не помогает-то?! Еда есть, крыша есть, здоровье пока тоже есть! А мир трясет за царя-батюшку! Отдали на растерзание революционерам, будь они неладны! А народ не восстал, не защитил, да чего уж там – предал ставленника Божьего!
- Вот пусть большевики тогда и мучаются и те, кто предал царя! Почему остальные люди должны страдать? – Санька был неумолим в своем негодовании.
- А что мы с тобой или другие сделали, чтобы царя и семью его невинную защитить? Да ничего! Вот если бы люд России хоть в половину свою воспротивился большевикам и освободил царя, может, и другая жизнь была! Люди говорят, под арестом держат не только царя-батюшку, но и матушку с детьми, а они-то в чем виноваты?! – Наталья всплеснула руками и поставила на стол тарелку с нарезанным хлебом и холодной картошкой. – Есть хочешь? – спросила она сына, который согласно кивнул. – Вот ты, Санька, молился за царскую семью хоть разок? Им поди сейчас, ой, как тяжело, похуже нашей ситуация будет.
- Поможешь тут молитвой, как же, – пробурчал недовольно сын.
- И я, грешная, не молилась, все свое просила, да себе, а теперь вот получается, что забрал Бог у нас ставленника своего за наши грехи, чтобы показать, как живет без главы отчей.
- От громкого разговора домашних проснулась и младшенькая пятилетняя Катя, прилавившаяся к маминому теплому боку на скамье у стола.
- Мама, а ты папу любишь? – вдруг спросила дочка, когда Наталья ласково приладила ее по голове и плечам.
- Конечно, люблю, Катюша.
- Я ему так и сказала, что мы все его очень любим...
- Когда сказала? – спросила осторожно мать.

– Он ноне во сне ко мне приходил и плакал, прощения у всех просил, говорил, что на нас у него вся надежда, – рассказывала Катя, а из глаз матери в это время так и катились тихие слезы, сдержать которые было ей невозможно.

– Есть, есть надежда, конечно, доченька! Молиться надо, Бог простит папку, запутался он по глупости. И вы, детки, просите Господа о милости к батьке своему, да сами верьте и не предавайте Бога. Слышишь, Санька? Чтобы хулы от тебя никогда больше не слыхала!

– Мама, я еще должна тебе сказать одну важную вещь, – продолжила дочь после молчаливой паузы.

– Что такое, доченька? – забеспокоилась Наталья. – Это я виновата, – начала тихо, отстранившись от матери, Катя. – Я... Я в ту ночь... Ложась спать, я забыла помолиться, и в ту ночь убили папу...

Никто уже из семьи не мог держать слезы после этих наивных, но таких искренних слов веры малого чистого ребенка. Объятия и разговоры того семейного вечера навсегда остались в сердце Саньки.

Февраль 1918 г.

Площадь у кафедрального собора не могла вместить всех пришедших на городской крестный ход четвертого февраля одна тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Наталья, оставив дочку с соседкой преклонных лет, которая давно уже стала им как родная, тетей Клавой, была уже с раннего утра в храме вместе с сыном. Народ на площади собрался задолго до начала шествия, потому как горожан волновало и беспокоило бесчинство и самовольный разгул большевистских властей, объявивших об экспроприации всего имущества и капиталов Омского Епархиального Ведомства.

– Братья казаки! Братья солдаты! – вещал с бокового храмового крыльца оратор. – Слышали ли вы, что Омский Совет Народных Комиссаров решил, согласно декрету из Петрограда, изданному под председательством Троцкого-Бронштейна, отобрать Омский кафедральный собор и ваш Омский Никольский казачий собор? Неужели вы отдадите святыни, чтобы они устроили там больницу, а, может быть, кинематограф с развратными картинками?

С другого края храма вторили активные прихожане города:

– Братья и сестры! Подписывайтесь под петицией православных верующих! Владыка Сильвестр благословил документ! Не допустим посягательства на нашу свободу веры и религии! Не отдадим собственность русского народа, наши соборы!

По окончании литургии епископ Омский и Павлодарский Сильвестр вышел на амвон для проповеди, речь его была серьезной и проникновенной:

– Братия и чада о Христе! Ныне мы переживаем сугубые испытания: к трудностям страшной войны присоединились величайшие трудности внутренних нестроений, вызвавшие государственный переворот и бедственное духовное и культурное положение страны. Церковь Христова ныне претерпевает множество скорбей, для верных ее чад настало время исповедничества!

Святейший Патриарх Тихон в начале февраля сего года написал послание, в котором отлучает от Церкви всех тех, кто участвует в гонениях на церковь и убивает невинных людей. Вот текст этого соборного документа: «Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против неё гонения. Всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары, вплоть до отлучения от Церкви».

Я лично был свидетелем сноса и осквернения храмов большевиками, молюсь о десятках замученных в стенах учреждений новой власти епископах и сотнях убиенных священнослужителей. Как не воспротивиться такому насилию!

Объединимся, братья и чада во Христе, в крестном шествии с молитвами ко Господу нашему о хранении веры православной в нашей стране и граде, защите соборов от посягательств и их осквернения!

Наконец, крестный ход двинулся во главе с Его Преосвященством Сильвестром по улицам города, останавливаясь у каждого храма с молитвами. Станным образом, красногвардейцы, ранее усиленно разгоняющие любые митинги у кафедрального собора, не вмешивались в происходящее.

«Видно, тысячи горящих верой людей, идущих вместе, как воинство, красные сочли достаточно опасным противником», – услышала чей-то громкий разговор рядом Наталья, усердно старающаяся сконцентрироваться на молитвенном пении во время шествия. – «Ох, ненадолго затаились большевики, чем-то да навредят в отместку! Господи, услышь нас и помоги!»

Начало новой трудовой недели выдалось тяжелым для Натальи: в швейном цеху, где она работала по сменному графику, увеличили норму дневной выработки. Потому сегодня она вернулась домой затемно, пришлось задержаться, чтобы выполнить увеличенный норматив.

Дети уже спали. Поцеловав ребятшек, хозяйка тоже устроилась отдыхать, но не тут-то было: внезапный ночной набат церковных колоколов разбудил и всполошил всю семью.

– Что случилось, мама? – взволнованно спрашивали вскочившие в кроватях дети.

Сход на площади у Успенского собора

Источник: <https://statehistory.ru/>

– Не знаю, детоньки, но нехорошее, точно, раз так звонят, да еще ночью. Я к Клаве выскочу, ждите. Посидит с вами, а я побегу к собору. Видно большевики решили ночью храм захватить, прихожан на помощь зовут.

– Мам, я с тобой пойду, ножик возьму, а то кто тебя защитит, – Санька торопливо стал натягивать теплую одежду.

– Куда наши ножи против большевистских пистолетов! – попыталась возразить мать, но спорить не стала: колокол неумолимо звонил. – Поспешим!

Тут и сама соседка Клава, такая же взволнованная переполохом, заявила ко двору. Оставив Катю с ней, Наталья с сыном побежали на зов колоколов.

Город проснулся окончательно. Казалось, что все его жители вышли из своих домов, так много было людей на улицах. По движению общей массы народа Наталья поняла, что беда случилась в архиерейском доме.

– Батюшку грабят! Соловьева! – послышались крики в толпе, и часть людей побежала в сторону дома кафедрального протоиерея. – Большевики арестовали отца Александра и Чемагина с ним, ключаря собора!

– Отца Николая с Параскевской церкви еще вчера вечером уволокли в каземат, тяжелое время настало для церкви, – вздохнул печально оказавшийся рядом с Натальей пожилой бородач с иконой Спасителя в руках, словно вышел на крестный ход.

Наталья хотела ему что-то ответить, но тут часть толпы резко развернулась в другую сторону, поспешив на выручку к отцу Александру, закрутив ее с сыном водоворотом. С трудом добравшись до хорошо знакомого крыльца дома Владыки, где часто помогала размещать на постой многодетные семьи, бежавшие от войны, женщина попала под чью-то тяжелую руку и отлетела в сугроб от сильного толчка.

В это же мгновение из ночной мглы к архиерейскому дому вышла группа агрессивно настроенных карателей-матросов.

– Разойдись! Стрелять буду! – кричали они и расталкивали людей.

– Это бандюги Запкуса! Лучше отойти, пришибут за здрастье! – услышала Наталья выкрик из толпы.

«Отряд Запкуса» – так называла себя шайка бандитов по фамилии своего главаря, которая наводила ужас на весь город своим бесчинством и жестокостью. Один их вид уже говорил о многом: в больших меховых шапках и полушубках, за поясом у каждого револьвер, гранаты и сабли на боку в металлических ножнах.

– Открывайте немедленно или вышибем дверь и расстреляем всех на месте! – потрясая оружием, кричал один из матросов. – Где архиерей?

– Я архиерей, – ответил вышедший на крыльцо Владыка Сильвестр.

К виску епископа матрос тут же приставил револьвер:

– Арестован за контрреволюционную деятельность! А ну пошел! Кончилась твоя барская жизнь, церковник!

– Как же это, батюшки! – из дома следом за хозяином выскочили домашние и заверещали в голос. – Что творите, ироды? Побойтесь Бога! Дайте хоть одежду теплую владыке надеть, зима же!

– Разойдись, я сказал! Не замерзнет, Бог согреет, Он же у вас все может! Пшли все! – и матрос стал палить, жутко хохоча, во все стороны из револьвера, не глядя, куда и в кого стреляет.

– Господи, убили! Николая убили! – пронзительные голоса рвали сердце женщине, продрогшей до костей и онемевшей от кошмара происходящего. – Владыку собой закрыл от пули!

– Молодой такой: еще жить бы и жить! – кричали люди.

Наталья суматошно искала глазами сына, беспокоясь о том, что шальные пули могли задеть и его, но не находила и чувствовала, как беспомощное отчаяние накрывало ее с головой.

– Звери! Хорошего человека убили ни за что! – На матросов двинулась толпа, движимая крайней степенью возмущения происходящим.

Снова раздалась стрельба, кто-то из толпы упал, преграждая своим телом путь остальным. Женщины голосили, какие-то люди бросились помогать упавшим в давке, остальные отступили.

К Наталье, наконец-то, смог пробраться Санька. Он поднял мать из сугроба, стал отряхивать снег, что-то спрашивать, но та ничего не понимала, громкий стук сердца и крики людей заглушали все.

Тем временем матросы, размахивая оружием, поволокли, толкая и дергая, епископа Сильвестра в сторону бывшего генерал-губернаторского дворца, где размещался теперь Совет депутатов новой народной власти. Владыка был в одной рясе, а на дворе февраль.

– Братья и чада, молитв о Церкви нашей не оставляйте! – услышала Наталья знакомый уверенно спокойный голос владыки. – Кто может – помогите раненым, усопших не оставьте...

Речь оборвалась от удара в спину. Матросы-каратели торопились: сибирский мороз и ветер не щадили никого. Владыка смиренно направился к мосту через речку Омку под звон колоколов городских церквей, откликнувшихся на кафедральный набат.

Наталья, потянув сына за собой, бросилась к дверям архиерейского дома, где им открылась ужасающая картина: в сенях лежал молодой послушник в монашеском подряснике, из его головы на пол сочилась кровь, а в руке горела вставленная кем-то восковая свеча...

Мост через Омку. Июнь 1918 г.

Источник: <https://twitter.com/omichrf>

В душной комнате, куда матросы привели владыку Сильвестра, уже находились другие арестованные священники: отцы Александр Соловьев, Федор Чемагин, Николай Савкин. Они, конечно, сразу встали для приветствия своего архиерея, который в обход церковных правил просто обнял каждого из своих собратьев по камере как старый друг.

Увидевший это доброе приветствие конвоир, звякая ключами, позлорадствовал:

– Вам теперь не обниматься и шептаться надо, а у своего Бога помилования на коленках громко выпрашивать, глядишь, и не расстреляют вас, а только на каторгу сошлют! – и скрылся за дверью с дьявольским хохотом в безответной тишине заключенных.

– Господи, что будет-то теперь? – на следующий день взволнованная происходящими в городе событиями Наталья ни свет ни заря уже хлопотала, собираясь пойти помочь в доме владыки. Детям же строго настрого наказала: сегодня из дома не выходить, даже в школу сына не пустила, опасаясь уличных беспорядков.

И действительно, уже с утра по городу стали собираться толпы людей, призывая принять меры по освобождению епископа, красногвардейцы в ответ активно разгоняли народ, паля из оружия в воздух.

– Что здесь происходит? Кто разрешил находиться в помещении народной власти? – в архиерейский дом, где готовили в последний путь усопшего послушника, к обеду заявила следственная комиссия из нескольких вооруженных человек. – Приказываю всем покинуть дом немедленно! – прокричал, видимо, начальник группы.

– Как же это? Жили люди, а их раз – и выгнали! – запричитали присутствующие женщины.

– Дайте хоть спокойно похоронить убиенного! Да людям нужно время, чтобы вещи собрать! – высказала Наталья воинственным пришедшим.

– Сутки! Потом чтоб никого здесь не было! – вынес приговор следователь. – Вы двое, – обратился он к сопровождающим, – останетесь охранять дом, чтобы лишнего не растащили! Комнаты архиерея опечатайте!

Тем временем в Совдеп прорвалась делегация из казаков, членов бывшей городской управы и других активных горожан с требованиями по освобождению епископа Сильвестра и прекращению посягательств на собственность Церкви.

На площадях и улицах народное возмущение росло, уже порядком измученные самоуправством, арестами, убийствами и кражами большевиков люди сливались в одну многотысячную негодующую толпу, готовую сражаться, как угодно и чем угодно, но только бы остановить большевистского демона. Новые жертвы пуль красногвардейцев послужили толчком к активному противостоянию: местами шла борьба прикладами, стрельба.

– Мы вас выслушали, примем решения после совещания! – нардепы пытались выдворить из занимаемого здания протестующих граждан. – Поймите, на епископа и его сообщников заведено дело, потому мы не можем вот так взять и отпустить его из-под ареста! Проведем работу и разберемся, кто и в чем виноват или не виноват.

– Вот и мы хотим разобраться, в чем таком обвиняют нашего архиерея! – делегация была настроена решительно. – Народ не отступит, вы перешли все возможные границы! Самоуправство и грабеж: сутки дали на освобождение дома владыки! Вот и вы за сутки разберитесь с безосновательностью его ареста!

– Основание есть! Согласно документам: порочил советскую власть, подстрекал к бунту против большевизма и отказывался выполнять требования закона, – нервно объяснял худощавый следователь по делу арестованных священников, в кабинет которого смогла прорваться народная делегация.

– Что вы понимаете под подстрекательством – простое изложение фактов?! Думаете, народ сам не видит, что в городе и стране происходит?! Его и подстрекать нынче не надо, доведен от крайнего отчаяния и гнева вашими новыми законами и методами их водворения!

– Осторожней в выражениях, гражданин! А то окажетесь в кутузке за противление властям! – чуть не брызжа слюной, возмущался один из нардепов.

– Спокойно, товарищи! – поправляя очки на носу, кричал следователь, пытаюсь решительно взять контроль над ситуацией. – Для выводов по делу нужно разобраться, а вы мешаете следственной работе! Теряем время! Покиньте, граждане, помещение, дайте возможность посоветоваться народом выбранным властям!

– Каким таким народом?! – возмущаясь, делегация все же вышла из здания.

– Что там с показаниями задержанных? – поинтересовался следователь у помощника. – Признали вину?

– Какой там! Только твердят: «Бог нам судья».

– Плохо работаете! Нужен официальный документ, доказывающий поповскую виновность! Все приходится делать самому! Ведите главного церковника ко мне на допрос! – командовал следователь.

– Итак... Подтверждаете ли вы факт того, что являетесь начальником всех омских церквей, товарищ Ольшевский? – следователь задал свой первый вопрос усаженному напротив архиерею.

– Указом Святейшего Синода в июне одна тысяча девятьсот пятнадцатого года назначен епископом Омским и Павлодарским, – спокойно ответил владыка Сильвестр.

– Признаете ли факт подстрекательства к бунту против советской власти в храмах и церквях в вашем подчинении?

– Таких фактов не знаю.

– Не знаешь? – вскочил с места возмущенный представитель власти. – Да только слепой или глухой мог не видеть возглавляемой вами массовой сходки религиозных фанатиков в минувшее воскресенье! Не вы ли, товарищ Ольшевский, нагнали массы людей со всех своих церквей с целью устрашения советской власти и призыва бороться с большевиками?! А?! – кричал в лицо владыки взъерепенившийся следователь.

– Простите, не знаю, как к вам обратиться, – спокойно произнес в ответ задержанный.

– Смирнов моя фамилия, следователь Смирнов, так и обращайтесь, – отчеканил следователь.

– Уважаемый следователь, вы ошибочно считаете, что у священника, пусть и высокого сана, есть какие-то особенные силы управлять мирянами. Верно обратное: следует священнику быть слугой каждому встречному во все дни и ночи своей земной жизни. Вот и я, благословляя февральский крестный ход, лишь повиновался настойчивой воле и желанию омских прихожан. Кроме того, как архиерей официально уведомил власть об этом, отправив коменданту города свое ходатайство, и возражений в ответ мне не поступало.

– Слуга, говоришь? И вина на народе, а ты такой весь чистенький? – бурлил недовольством Смирнов. – Чего же ты тогда большевикам служить отказываешься, раз всех встречных готов ублажать?

– Служение возможно только во Христе, а вы, большевики, его не признаете, так как же я против своего начальника пойду?

– Вот вы хитрые, церковные кроты! Везде ходы и выходы найдете!

Неприязнь товарища Смирнова ко всему церковному была очевидна для епископа Сильвестра, а каждый ответ владыки только еще больше раздражал ярого сторонника большевизма и революции.

– Отвечайте, какими, товарищ Ольшевский, словами вы оскорбляли советскую власть?!

– Не ведаю, какими словами мог оскорбить вашу власть, – по-прежнему спокойно отвечал владыка Сильвестр.

В этот момент раздался стук в дверь кабинета, и следователь дал указание охраннику впустить пришедшего.

– Товарищ Смирнов, вас просят подойти на срочное совещание в зал заседаний, – протараторила и исчезла женская голова.

– Что еще?! Так, ладно, видимо, действительно дело срочное. Товарищ Ольшевский, подпишите здесь, – следователь ткнул пальцем в бумагу, предоставленную секретарем допроса. – Охрана, сопроводите задержанного обратно в комнату пребывания!

– Товарищи, ситуация в городе сложилась критическая! – вещал красный комиссар посреди зала заседаний, когда туда вошел Смирнов. – Дайте приказ стрелять в людей или скоро нас снесут и растопчут вместе с этим зданием! Народ подогрела весть, что анненковцы подходят к городу, атаман призывает всех присоединиться к своему отряду и выйти на открытую борьбу с большевиками.

– Обстановка крайне накалена! – рассуждали большевики. – Если Анненкову удастся собрать народ под знаменем Ермака, то жертв среди красногвардейцев не избежать, причем немалых.

– Часть омской гвардии сейчас в Славгороде, противостоять озверевшей десятитысячной толпе без потерь мы вряд ли сейчас сможем, – высказали один за другим свои опасения нардепы.

– Да, не окрепла еще советская власть... А дикий сибирский народ не готов пока выкинуть из головы ту дурь, которую им столетиями пихали в голову церковники! – раздосадованно пробубнил в ответ на эти доводы следователь Смирнов.

– Товарищ Смирнов, Илья Никитич, не кажется ли вам, что иногда нужно пожертвовать пешкой, чтобы выиграть партию?! – высказался один из нардепов. – Может, не время сейчас нагнетать волнения в народе? Да и в Москве нас за потерю контроля над городом по головке не погладят! Не лучше ли освободить пока священников, чтобы утихомирить темный народ?

– Да уж... Придется пойти на некоторые уступки в сложившейся ситуации народного возмущения. Бросим бунтовщикам кость, чтобы успокоились. Оформлю отказ от возбуждения уголовного дела на священников за недостаточностью собранных доказательств вины. Пусть еще рясой своей трясут до поры...

– Владыка, родненький, отпустили! – в архиерейском доме не было предела радости его жителей, когда они увидели вернувшегося архиерея. – Отстояли! Слава Богу! Только, Владыка, нас вот выселяют отсюда...

Следом за епископом Сильвестром в дверь вошли несколько человек в военной форме с нашитыми на шинелях красными звездами, и домашние сразу притихли.

– Милостью Божьей жив, и буду с вами еще некоторое время, – с улыбкой произнес уставший хозяин, приветствуя своих помощников. – До революционного суда буду здесь под подпиской о невыезде. Эти люди проведут у нас обыск, прошу им не препятствовать.

– Я могу подняться к себе? – обратился владыка к оглядывающим помещение комиссарам.

Архиерископ Омский и Павлодарский Сильвестр. Единственный сохранившийся омский снимок. Находится в музее омских железнодорожников

Не получив ответа от большевиков, уже принявших беспардонно перетряхивать содержимое шкафов и комодов, владыка направился к лестнице на второй этаж, по привычке бросив:

– Николай, была ли почта?

Все домашние замерли в молчаливой растерянности, поскольку Николай больше уже не мог ответить на вопрос владыки, но через мгновение архиерей и сам вспомнил о печальном факте убийства верного эконома в ночь своего ареста.

– Отпевать увезли убиенного, в храм Всех Святых, – ответила, наконец, Дарья, девушка лет восемнадцати, сирота бездомная, которую год назад приютили в помощь Агафье Петровне, знатной кухарке и старожиле в здешнем хозяйстве. – А почта была, щас принесу, только надо вспомнить, где эта коробка с бумагами. Мы ничего не выбрасывали, только упаковали куда-то: выгоняли ж нас из дому-то!

– Открываем все коробки и сумки! – разговор прервала громкая команда большевика. – Открыть все запертые двери для осмотра помещений!

– Делайте все, что говорят, – устало произнес владыка Сильвестр. – А съезжать пока никому не надо! Господь поможет, управит – будем верить! – добавил он уверенно и поднялся к себе в кабинет.

Июнь 1918 г.

– Товарищи, комиссары! Чехословацкие корпуса, отправлявшиеся в Европу по Транссибирской железнодорожной магистрали, взбунтовались, отказавшись сдать оружие по приказу советских властей! – в Омском Совдепе шло напряженное совещание по сложившейся в стране ситуации. – Чехи встали на сторону наших врагов! В сговоре и по указке белых офицеров уже захвачены Николаевск, Аргаяш, другие станции по пути следования белочехов! Атаманы Красильников и Анненков со своими отрядами казаков уже орудуют в городе!

Мы в условиях нехватки сил и средств будем вынуждены отступить из Омска. Других вариантов у нас нет, потому как помощи ждать не приходится: железная дорога перекрыта чехами, а местные в большинстве приняли сторону противников большевизма. Сверху приказано уходить к Ишиму, где к нам присоединится подкрепление из Тюмени и Екатеринбурга. Там будем ждать новых указаний из главштаба.

Советская власть бежала из Омска от наступающего противника на пароходах на север.

Пришло Новое Временное Сибирское правительство и тут же объявило о восстановлении в городе местного самоуправления в лице городской Думы и всех досоветских учреждений.

– Мама, не веришь, такое творится в городе! Красных выгнали! А в Омск чехи вошли: видимо-невидимо их, с оружием! – взбудораженный Санька примчался домой с кувшином молока. – Говорят, чехи идут на помощь казакам, и совсем скоро белые окончательно свергнут большевиков, чтобы старую жизнь вернуть!

– Вот так дела! – попыталась изобразить радость и удивление на утомленном болезнью лице Наталья. – Подделом им: гонит Господь безбожников! Говорил владыка, ничего хорошего не получится, если со унижений царя и на крови людской государство строить начали.

Уже с месяц маму Саньки одолевал недуг легких. Кашель и температура не давали ей сил и возможности работать, денег в семье совсем не было, а самочувствие Натальи с каждым днем становилось все хуже. Уже внутренне смирившись с возможным концом своей земной жизни, Наталья волновалась только за судьбу детей.

– Тетка Нина сказала, что больше молока в долг не даст, – тихонько сказал сын, присев на край кровати матери. – Хлеба в лавке седня не дали. Лекарства тоже в долг в аптеке не согласились выдать.

– Господи, что же нам делать! – обреченно прошептала больная.

– Я решил к владыке Сильвестру пойти. Ты сама говорила, что он добрый, никому не отказывает, вот я и попрошу помочь мне с работой. В городе всюду гонят: у самих, говорят, пусто.

– Сходи, Санька. Да потом духовника моего, отца Александра из Успенского, пригласили по мою душу, собороваться мне надо, скажи.

– Мам, ты чего? Помирать собралась что ли?! Ты выздоровеешь, обязательно! Жизнь, смотри, налаживается, красные ушли, работа снова будет, лекарства купим!

– Тише, не горячись! Господь один временем жизни ведает, а я хочу по-христиански подготовиться, коли не встаю уже с кровати. А тебе, Санька, надо быть сильным духом, ты сможешь! Катю не бросай, я Клаву просила вас взять, ведь у нас никого из родных здесь не осталось. Да, и учись, в школу ходи, Катю тоже выучить надо. К Коленьке и папке на могилки ходи, не запускай их, ну и поминай, как сможешь.

– Жить надо, мамка! Бог не должен так с нами поступать! – сын был взволнован словами матери, которые, было очевидно, давались ей нелегко. – Давай, еще травы бабкиной заварю, тебе же помогает!

– Катю обещаешь не бросать, если уйду?

– Обещаю, но...

Наталья закрыла глаза и отвернулась к стене с громким кашлем.

Тут в дом вошла соседка Клава, которая привела Катю с прогулки.

– Бувай здоров, Санька! Не видела ешо тебя сегодня. Как чувствуешь, Наталья? Мы с Катюшкой прогулялись аж до речки сегодня.

– Клава! Спасибо тебе, дорогая моя, что помогаешь! А то сидит возле чахоточной матери ребенок... Не уходи сразу. Ты подумала?

– Чего я подумала? – видно было, что соседка понимает вопрос Натальи, но пытается уйти от ответа на него.

– Ну насчет моих пострелов подумала? – страдалица попыталась привстать на кровати, но не смогла. – Санька, а ты чего еще здесь? Беги, куда собрался!

Сын в полном смятении чувств и переживаний нехотя оставил женщин для важного разговора.

– Наташенька, да старая я уже, куды ж мне детей подымать – помру скоро! – начала причитать тетка Клава после того, как и Катю отправили во дворе похозяйничать.

– Клавушка, не откажи умирающей! Нет у нас никого, кроме тебя! Господь устроит дальше, но ты пока жива – присмотри! Санька взрослый уже – вместе Катюшу поднимете! Тебе помощь будет от них по старости. Только в приют детей не отдавай! Ты же знаешь, что они у меня хорошие!

– Эх, знаешь ты, Наталья, как просить, – Клава смахнула рукой выступившую из глаз слезу. – Куды ж я денусь, не брошу ж я детей на произвол судьбы, которая итак к ним не очень-то ласкова!

Санька добирался пешком до намеченной цели, а именно, до Омской епархии, которая располагалась в здании неподалеку от кафедрального собора и архиерейского дома. По дороге он разглядывал прохожих и уличные пейзажи. Ему вдруг подумалось, что его родной город как-то стал очень походить на шумную свалку. Жителям нынче не до наведения чистоты: не попасть бы под горячую руку оголтелых почувствовавших свою власть и от этого очень обнаглелих казаков и как-то выжить в это смутное время.

Санька морщился от неприятных картин и запахов: уличная грязь смешалась с конским пометом и блевотиной пьяных, выползающих из кабаков.

«Да уж, у кого-то нет ни копейки на необходимые лекарства для спасения жизни, а кто-то тратит деньги на выпивку, убивая себя самостоятельно», – размышлял Санька и чувствовал, как ком обиды за такую жуткую несправедливость мира подкатывает к горлу.

– Тебе чего, парень? – остановил незнакомый дьякон Саньку, растерявшегося в здании Омской Епархии.

– Мне к владыке Сильвестру надо, помощь нужна очень. Он мать мою знает, меня должен помнить, – наивно и искренне поделился Санька своими планами со встречным священнослужителем.

– Архиепископ Сильвестр на Епархиальном Собрании сейчас. Тебе придется подождать, а лучше приходи завтра, – проинформировал с доброй улыбкой на лице дьякон.

– Не-е-е, я подожду, мне седня надо, – протянул юный визитер, усаживаясь на стоящую в прихожей зале софу.

Тем временем владыка Сильвестр, возведенный незадолго до того Патриархом Тихоном в сан архиепископа Омского и Павлодарского, начал свою речь на епархиальном собрании:

– Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа да будет со всеми вами!

Все вы знаете, что ситуация в стране и нашем граде волею Божьей снова стремительно меняется: советская власть отступила, другие политические формации объявили себя гражданскими управленцами. В условиях невозможности полноценного общения сибирских епар-

хий с Патриархом по причине вновь усилившейся гражданской войны мы вынуждены самостоятельно реагировать на происходящие события. Предлагаю обменяться мнениями.

– Дорогой Владыка, пастыри и архипастыри! – слово взял один из участников собрания. – Думаю, необходимо выразить от епархии признательность чехословакам, выступившим первыми на свержение ига большевиков, и присоединиться к их чествованию в городе. Предлагаю определить и делегировать на мероприятия для иностранцев представителя от Епархиального Собрания.

В зале раздались одобрительные возгласы священства на это предложение, все согласилось с необходимостью выказывания благодарности освободителям.

– Действительно, будет хорошо наладить дружественный диалог с военными силами чехословаков, – подвел черту под обсуждением этого вопроса архиепископ.

Далее слово взял настоятель Церкви во имя Всех Святых на Казачьем кладбище:

– Хотелось бы сказать, многоуважаемые пастыри и архипастыри, что мое первое радостное воодушевление после изгнания красных бандитов из Омска развеяно новыми тревожными сигналами. По всему городу по указанию вновь объявленных начальников казаки и другие военные группы арестовывают красноармейцев, большевиков, их семейных, или как-то связанных, или просто сочувствующих советской власти. Многих казнят без суда и следствия, других сажают под замок в бараки. Конюшни губернаторского дворца, подвалы, концлагеря уже забиты арестованными. Чем же новая жестокость лучше прежней? Снова реки крови и террор. Кроме того, в темницах отсутствуют какие-либо санитарные условия, распространяются болезни: так и до эпидемии недалеко!

– Нужное замечание, отец Михаил! Разделяю ваше беспокойство и неодобрение методов и подходов противников советской власти к очистке территорий от большевиков, – поддержал священника епископ Семипалатинский Киприан.

Участники собрания, переглядываясь и тихо переговариваясь, ждали реакции архиепископа Сильвестра, который ответил своим обычным спокойным и уверенным тоном:

– Война всегда безжалостна. Будем надеяться, что вскоре ситуация в городе уравнивается, и последуют справедливые и милосердные поступки новых властей. Следует с ними ближе познакомиться и обсудить дальнейшие планы Временного Сибирского правительства, да и с казачьими атаманами надо повстречаться. Возьму это на себя, ваша задача – на приходах вести работу по укреплению духа Богом врученной нам паствы. Дело Церкви – мир и молитва! Постараемся не осуждать, но способствовать тому, чтобы Христос не был забыт воинами и мирянами нашей епархии, это мы должны и будем стараться выполнять!

Санька вскочил с софы, когда архиерей и другие участники собрания появились в зале его томительного ожидания. Обойти парня преосвященству и священству оказалось невозможным по причине преграждения подростком основного выхода из здания. Тот же диакон попытался убрать помеху на дороге начальства, но не тут-то было.

– Я Владыку ждал! Нам его помощь очень нужна! – громко и дерзко заявил в ответ на увещевания Санька.

Владыка Сильвестр, невольно улыбнувшись такой смелой непосредственности ребенка, все же строгим для порядка тоном спросил:

– Кто такой будешь?

– Санька я, сын Натальи Макаровой, певчей из Успенского, – четко отчеканил парень.

– А отец на фронте?

– Погиб, – решил не вдаваться в подробности Санька.

– Так что же такое случилось, Александр, что ты решился выказать непослушание старшим? – уже мягче поинтересовался архиерей, в то время как остальные его спутники молчали и терпеливо наблюдали за происходящим.

– Мамка хворает сильно, работать не может: денег нет, лекарств нет, а надо сестру младшую кормить! Мне работа нужна, чтобы мамке помочь, а никто не берет в городе! Вот на вас, Владыка, одна у нас надежда – помогите! Я много чё могу делать!

– А грамоте ты обучен? – спросил владыка.

– Читать могу и писать: в школу приходскую Параскевскую к отцу Николаю Афанасичу ходил, пока не закрыли.

– Это к иерею Николаю Савкину? – уточнил архиерей. – Хорошо. Пономарем в храм пойдешь?

– Пойду, Владыка! Хоть за хлеб пойду! – воскликнул с надеждой Санька.

– Вот и решили! Завтра в Успенский собор к настоятелю иди, я ему передам наш уговор.

– Спасибо! Приду завтра! С утра самого! – воскликнул радостно новоявленный пономарь, уступая, наконец, всем дорогу к выходу из здания.

Примчавшись домой, желая скорее обрадовать родных новостями, Санька с порога стал громко сообщать, что получил работу в соборе, но увидел бабу Клаву за чтением Псалтыри у кровати матери и притих.

– Я там вам свеклу сварила и кашу с пшеницы. Поешь, – закончив молиться, сказала соседка парню. – Мать ваша заснула, кажись, ну пусть отдыхает.

– Клавочка, спасибо тебе, – вдруг тихо, не открывая глаз, произнесла Наталья. – А мне сейчас тот крест явился, что мы с тобой в том году на небе видели.

– Да, чудное было видение, – протянула в ответ соседка.

– Какой крест? – любопытствовал сын.

– Летом прошлым, около часу ночи, год назад ровно, точно, июнь был, помню, – стала рассказывать Клава. – Вы с Катей спали, а мы с мамкой вашей видали, да и другие люди тоже видали на небе чудное: крест горит с луной прямо по центру. Четко все было – точно не мерещилось. Бог знак, думаю, нам всем давал, только сразу-то кто его может разгадать.

– Потерпеть просил, поскорбеть во имя Его, – прошептала Наталья. – Все временно в этой жизни, все пройдет, и снова будет снег...

– Наташенька, какой снег? Бредит, Господи помилуй! – заволновалась соседка. – Поспи лучше, моя хорошая! Санька, ты отца Александра позвал?

– А-а-а, забыл... Но я же завтра с утра побегу в Успенский, тогда и позову, – стал оправдываться парень.

– Эх ты! Будем уповать, что ешь время ешо...

Август 1918 г.

На кухне архиерейского дома после нехитрого обеда за чаем с вареньем собралась небольшая компания: помощница по хозяйству Дарья, кухарка Агафья, бежавший из большевистской столицы композитор с женой, пианисткой, которых временно приютил владыка, старый Прохор, чинивший все, что ломалось в здании, и Санька, принесший, как это повелось с момента начала его трудовой деятельности при храме, пакет документов для владыки от настоятеля собора.

– Гляди-ка, в газетах пишут, что мы теперича в столице живем! – воскликнул дед Прохор, шурша страницами «Сибирской жизни». – А ну, Санька, зачитай нам тут, а то я пока разгляжу эти мелкие буковы!

«Омск стал центром внимания всей Сибири. Здесь формируется новая власть, куется наше будущее, со-сре-до-та-чивается организация военной силы...», – усердно тянул парень.

– Это точно: щас все к нам рвутся, в Сибирь, где выгнали антихристов! – вставил Прохор. – Вона и музыканты приехали наших певчих музыке учить! – подмигнул он семейной паре постояльцев, молча прихлебывавших чай из металлических кружек.

– Даст Бог, Россия подымется, жизнь наладится, – вздохнула тетка Агафья, подливая себе в стакан кипяток.

– Дальше читать? – уточнил Санька.

– Да ну их, эти газеты! – махнул рукой Прохор. – И так все понятно: опять власть сменилась! Тока бы оставили уже в покое Церкву нашу, не втягивали в свои политические войнушки!

– Говорят, белые снова царя хотят поставить над страной, – вставил слово в разговор приезжий композитор.

– Поглядим, увидим, чего там будет дальше: царь или не царь, тока бы Бога не забыли! – подытожил Прохор и обратился к Саньке, сменив общую тему разговора. – Санька, ты завтра поможешь мне с починкой крыши? Пока лето, надо все прорехи заделать.

– Тока после службы утренней, – ответил тот. – А ты, дядька Прохор, пособи в ответ тетке Клаве крышу залатать и забор поправить.

– А чего, Клава в вашей половине дома жить не хочет? Ваша покрепче будет еной вроде?! – заворчал Прохор.

– Не знаю, уперлася на своем, – пожал плечами Санька. – Мамка перед смертью так и говорила: живите здесь, но не хочет соседка переходить. Да и пусть, тока бы за Катькой глядела, в приют не отдавала – уже спасибо.

– Без мамы живете, бедненькие? – раздался тонкий сочувствующий голосок пианистки из столицы. – Давно умерла?

– Только вот сорок дней было, – Санька весь как-то сжался от душевной муки болезненной темы, но тут же взял себя в руки и, резко тряхнув головой, словно сбрасывая груз печали. – Щас все живут, как могут. Всем бед хватает! Мамка наказала не унывать, она за нас просить на небе будет.

– За Александром у нас сам владыка приглядывает! К себе в почтальоны взял, пономарем служит – работа есть! – заявил, театрально подняв палец вверх, Прохор, пытаясь взбодрить парня. – Прокормятся, без помощи не оставим мальцов! И крышу соседскую починим, доброе дело сделаем!

– Спасибо, дядька Прохор! За чай тоже благодарствую! Пора мне. Завтра приду на помочи, – попрощался Санька и поспешил на вечернее бдение в храм.

Утром следующего воскресного дня литургия в кафедральном соборе совершалась архиерейским чином, по ее завершении владыка Сильвестр вышел на проповедь.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Дорогие отцы, братья и сестры, мы с вами вступили в благодатное время Успенского поста, близится престольный праздник нашего кафедрального собора – Успение Владычицы нашей Богородицы. Веруем, что по молитвам Заступницы небесной сохранил Господь наш град и храмы его от нападок советских безбожников, пришла ныне новая власть в лице Временного Сибирского правительства, которое восстанавливает в регионе прежние порядки: начинают работать закрытые большевиками административные учреждения, промышленные предприятия. С начала учебного года будут снова открыты приходские школы с преподаванием Закона Божьего, запрещенного Советами. Горько осознавать, что по-настоящему ценить то, что имеем сейчас, мы оказались способны, только испытав страшные последствия наших прошлых грехов безразличия к судьбе страны, правителей и даже близких людей. До сих пор не иссякает поток крови десятков тысяч невинных жертв красного террора – будем молиться о мире и возрождении нашей страны!

Сегодня в нашем соборе будет служить панихида по убиенным, зверски замученным большевиками священнослужителям православной Церкви, многих из них я хорошо знал лично, с некоторыми имел близкое душевное и духовное общение.

На днях я вернулся из Тобольска, где принял участие в перезахоронении тела епископа Гермогена, утопленного в Туре в июне этого года после продолжительных издевательств большевиков. Его тело было обнаружено крестьянами, и мы милостью Божьей перезахоронили его должным архиереем образом в склепе, устроенном в Иоанно-Златоустовском приделе Софийско-Успенского собора в Тобольске.

Ни сан, ни служение, ни подвижничество не имеют значения для убийц-безбожников, творящих сей смертный грех с особой жестокостью! Митрополит Киевский и Галицкий Владимир, старейший патриарх Церкви, убиенный в феврале этого года у стен Киево-Печерской лавры, лежал в луже крови с сорванной панагией, кроме пулевых ранений на нем было множество колотых ран и ударов прикладами. Он ушел, давая последнее благословение тем, кто его убивал... – голос архиепископа, казалось, на мгновенье дрогнул, но дальше последовала еще одна ужасающая сознание история.

– Многие из присутствующих, думаю, помнят епископа Омского и Павлодарского Андроника, возглавлявшего нашу епархию несколько лет назад. Был возведен в сан архиепископа весной этого года. Открыто выказывал свое несогласие с методами работы большевиков, конечно, понимая, что может быть арестован за свое негативное отношение к новым властям, но предположить то, что чекисты живьем закопают его в землю – не мог никто! Заставили рыть самому себе могилу и лечь в нее, затем зарыли...

Верую, что Господь принял этих пастырей высокого духа и жизни в свои небесные чертоги! Прошу соборно вспомнить и помолиться об ушедших в вечность великих служителях Христовых, которые будут предстоять престолу Божьему с ликом праведным и чистым, молящиеся за нас!

После обеда Санька и дед Прохор забрались на крышу архиерейского дома.

– Подай-ка долото! Эй, малец, заснул что ли? Долото дый сюда! – прикрикнул мастер на помощника, который замешкался, размышляя о чем-то своем.

– Дядька Прохор!

– Чево?

– Смотрю я вниз с крыши, а там людишки такие маленькие, будто муравейки! Как же Бог нас с неба разглядывает, может, ему не все про нас видно?

– Чево на нас Ему глядеть-то?! И так все про людей знает! Ну копошимся на земле себе важно, думаем, великое чего тут свершаем, а на сам деле – букаши глупые под Богом! – оценив взглядом реакцию Саньки на эти слова, Прохор, вздохнув о чем-то своем, добавил с видом, словно открывал некое таинственное знание. – Ангелы есть у Господа на то, чтобы за нами присматривать, коли Ему самому чаго не видно...

– Ну хорошие дела-то Ему видно? – растерянно спросил Санька.

– Хорошие дела всем видно – не только Богу! – улыбнулся в ответ Прохор. – Вона гляди: Дашка голубей кормит у храма, облепили ее со всех сторон, потому как чуют доброе сердце, вот и мы с тобой поумилялись тому – и нам на душе ее добро посветило! А уж как Богу хорошо, если среди нас добро!

– Дядька Прохор, а как добро человеку делать, если на душе плохо? – продолжал спрашивать Санька.

– Ты про себя что ль спрашивашь? – дед прекратил ковыряться в досках крыши, поднял голову, пристально посмотрел на выжидающего ответа парня, и с сочувствующим пониманием стал рассказывать. – Я ж сам без отца вырос – понимаю, каково тебе. Мамка нас пятерых растила – тяжело было. Мне как старшему пришлось пойти работать, а не по школам сидеть. Но знашь, чево нам мать по смерти отца сказала, чтобы мы не унывали?! Шо если Бог родителя забрал, то за мать тому дитю будя сама Богородица, а за отца – Христос, и встретят они на небе по кончине сами дитя свое, если в послушании к ним человек жизнь прожил! Грешно печалиться, когда у тебя теперь такие воспитатели!

– А почему, дядька Прохор, у тебя детей нету и жены? – не заканчивались вопросы у парня.

– Много болташь, Санька, мало работаешь! – прикрикнул, сдвинув густые темные брови на переносице, Прохор. – Свое дело знай, а чужие жизни с разговором все равно не поймешь!

После починки крыши тетка Агафья накормила работников щами с белым хлебом, юный помощник чуть язык не проглотил от такой вкусноты.

– Ешьте, ешьте, еще дам, если надо, – умилялась кухарка аппетиту едоков. – Хоть вас накормить, а то владыка опять ничего толком не поел за весь день, от ужина отказался...

– Ну, можа, где-то угощали, – предположил Прохор.

– Хорошо бы... А то давеча дохтор говорил ему, что желудок его барахлит из-за неправильного питания.

– Дядь Прохор, тетя Агафья, а можно я у вас тут остануся на ночевку сегодня? Могу еще чего пособить, – спросил Санька, доедая ужин.

– А дома чего не так? – поинтересовалась Агафья.

– Тоска еще берет, как зайду, мамка мерещится... – искренне поделился Санька.

– Дак, поди, никому не помешашь, оставайся, коли надо, – ответил добросердечный дед. – А, Агафья?

– Тока надо у владыки благословение взять. Я щас ему тогда сама на ночь воды умыться понесу, так-то Дашка должна – спрошу про тебя, если не занят, – отозвалась по-доброму кухарка и направилась с кувшином наверх.

– Ну? Разрешил? – Саньке не терпелось услышать ответ Агафьи, вернувшейся из архиерейских покоев.

– Да, разрешил, – ухмыльнулась в ответ на горячность парня сердобольная тетка. – Странно тока, что велел тебе на софе у его кабинета постелить, ну тут уж, наверное, чтобы ты не шумел в других местах, можа...

– Ничего, мне подойдет! Мне тока одну ночку, а утром все равно ранехо в храм убегу, – обрадовался парень.

– Ты тихо там будь! – строго наказала Агафья. – У Дашки пойдй возьми постель.

– Тихо буду! – кивнул парень и отправился на ночевку.

Стемнело. Санька все вертелся с боку на бок на кушетке у покоев архиерея. И так и этак пытался заснуть, но дремота не шла, и он, тараща глаза в темноту, начал мысленно задаваться вопросами: «Почему жизнь такая сложная, почему Богу нельзя сделать всех людей счастливыми, чтобы жили они долго и радостно? Почему умерла мамка, когда она так нужна Катьке и мне? Почему умер Колька совсем маленьким, ведь он ни в чем не виноват перед Тобой,

Господи, и людьми? Почему столько человек в нашем городе страдают, хотя убивают и грабят другие люди? Я тебя не понимаю, Бог! Скажи мне: почему?!»

Вдруг поток мыслей юного постояльца прервал неожиданный шум: сначала, показалось, что звякнул колокольчик за дверь, а потом скрипнула дверь, – и в свете свечи в руках появившегося из кабинета полуночника Санька узнал владыку Сильвестра. Парень рефлекторно привстал и тихо поздоровался:

– Благословите, Владыка!

– Не спите, Александр? – голос архиерея звучал тихо и спокойно.

– Что-то нету сна, – шепотом подтвердил Санька. – А Вам, может, помощь нужна?

– Чернила у меня закончились, да, думаю, и дьякон спит, и остальные – не хочется будить.

Знаешь, где взять?

– В подсобке, поди, как и другое хозяйственное, – предположил Санька и тут же вскочил с кушетки. – Я быстро схожу, я сейчас принесу чернила!

– Благодарю! Я у себя буду, зайди ко мне потом – не робей, – сказал архиерей и снова скрылся у себя в покоях. – Возьми мою свечу.

Подсобка оказалась закрытой на ключ, а где сами ключи, Санька, конечно, не знал, а идти будить ночью кого-то из домашних по комнатам он не решился, ведь Агафья наказала ему не шуметь. Огорченный, что не смог выполнить обещание, Санька поплелся назад ни с чем, по дороге подбирая слова в свое оправдание.

– Владыка, это я, Санька, – постучавшись тихонько, приоткрыл дверь парень и заглянул в комнату. – Подсобка закрыта на ключ, не получилось с чернилами...

– Заходи, Саша, – услышал юный гость голос владыки.

Санька осторожничал и неуверенно топтался у двери. Архиепископ Сильвестр, глядя на взлохмаченную голову и съезженные плечи ребенка, невольно улыбнулся, поднялся и вышел из-за рабочего стола.

– Проходи, коли не спишь, расскажи, как живешь, – пригласил к беседе гостя владыка, усаживаясь в одно из стоящих у окна кресел в кабинете, указывая Саньке на другое.

– Я не принес чернила: ключи у Агафьи Петровны, наверное... – начал снова сбивчиво объясняться Санька.

– Ничего, значит, на сегодня пора завершить работу с бумагами, – успокоил его своим дружелюбием владыка. – Как твоя сестренка себя чувствует?

– Благодарствую, хорошо. Говорит, что мамка во сне приходит ее целовать...

– А ты как – справляешься? Продуктов хватает? – продолжал спрашивать архиепископ, который, подумалось Саньке, сейчас вел себя, как обычный простой человек, и только черная ряса и большой крест на груди указывали на священный сан собеседника.

– Пока хватает: огород кормит, масло в храме дают, хлеба тоже, – немного освоившись в кресле, отвечал подросток.

– Молитвенное правило несешь исправно?

На этот вопрос Санька с ответом замешкался, пытаясь найти подходящие слова для очередного самооправдания, но владыка, казалось, сразу все понял сам и продолжил:

– Старайся. Понимаю, сложно, но надо себя понуждать трудиться – только так воспитывается дух человека и крепнет воля.

– Могу я спросить кое-что, Владыка? – опустил смущенно голову вниз, пробубнил Санька.

– Спрашивай, только говори четче, чтобы я разобрал твой вопрос, – с улыбкой произнес архиепископ.

– Вот Вы говорили про убитых священнослужителей в храме, и я подумал, что же будет, если красные всех священников убьют? Церкви не будет? И почему Бог такое разрешает? Не

пойму я Бога... Неужто смысл жизни человека в том, чтобы суметь продержаться на земле свои отмеренные годы, а потом умереть, и чем ужаснее, тем лучше?

– А ты сам, что на это думаешь? В чем смысл? – с улыбкой произнес архиерей и, видя молчаливое замешательство собеседника, закрыл глаза на мгновение, помолчал с минуту, лишь перебирая свои четки, а затем продолжил говорить. – Бога не надо понимать, Александр, Ему надо верить... И эта вера вместе с любовью Христовой и есть смысл жизни, мой юный друг. За Христом идем, коли мы христиане: со смертью Христовой ничья никогда смерть не сравнится, хотя в этом деле соревнования совсем не уместны...

А что священников не станет, ты не волнуйся: Бог обе-щал, что не допустит такого, – сказал владыка, посмотрев ласково на собеседника. – Помнишь эпизод из Нового Завета? Иисус сказал: «Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Придут на место убиенных новые воины Христовы! Вот, может, и ты, Александр, станешь, когда подрастешь, священником?! Не думал об этом?

– Вообще-то я хотел... – замялся Санька. – Мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы путешествовать по морям и океанам. Я кроме Омска, больше нигде еще не был... Море, говорят, это совсем другое, чем река или озеро: оно шумит и там разные чудные рыбы живут.

– Да, мир наш разнообразен и чудесен, – Владыка тихонько кивал головой в знак поддержки собеседника. – Капитаном быть – это очень интересно, но и ответственно. Это дело требует, конечно, серьезной подготовки и обучения.

– А что нужно, чтобы стать священником? Семинарию закончить? – поинтересовался вдруг Санька.

– Священство, мой юный друг, – это ведь не профессия... – задумчиво ответил архиепископ.

– А что? – нетерпеливо вставил удивившийся Санька.

– Священство – это таинство. Здесь главное – вера человека и его труд, а уж потом – все богословские знания.

– Значит, если станешь священником, то тебе многое откроется от Бога? – не унимался Санька.

– Хорошо, что ты, Саша, задаешься вопросами, – терпеливо беседовал с ним владыка. – Значит, ты хочешь знать истину, видеть смысл. Могу с уверенностью сказать, что ни один вопрос человека не останется без ответа, только иногда его нужно подождать...

– Понятно... – разочарованно протянул юный собеседник. – Только я так и не понял, зачем Богу столько человеческих страданий? Всю жизнь что ли страдать надо?

– Сложности нас воспитывают и закаляют дух. Доверься Богу, он знает, что нам на земле полезнее и нужнее. Да так ли уж страдаем всю жизнь? – с улыбкой, немного с укором в голосе продолжил разговор архиерей. – Радость и умиление сердечное, неужто не знаешь?

– Как радоваться, если тоска, Владыка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.